

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКОЙ ВОЙНЫ 2008 ГОДА

УЛЬВИЯ ИБРАГИМ БАГИРОВА

Докторант кафедры «История славянских народов»

Бакинского Государственного Университета

Улица академика Захида Халилова, 33, АЗ1148

E-mail: bagirova-ulviya@mail.ru

ORCID iD: 0009-0008-4843-5448

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается роль средств массовой информации в освещении российско-грузинской войны августа 2008 г. Особое внимание уделяется особенностям российских, грузинских и западных медианарративов, их влиянию на восприятие причин, хода и последствий конфликта. Анализируется использование традиционных и новых медиа, а также значение киберпространства в информационном противоборстве. Показано, что информационная составляющая стала важным элементом политической стратегии сторон и существенно повлияла на международное восприятие войны.

Ключевые слова: *российско-грузинская война 2008 года, средства массовой информации, информационная война, медианарратив, Южная Осетия, кибервойна, международное общественное мнение.*

Введение

Российско-грузинская война августа 2008 г. стала одним из наиболее серьёзных военно-политических кризисов на постсоветском пространстве начала XXI в. Её значение определялось не только масштабом вооружённого противостояния и последовавшими изменениями в региональной обстановке, но и необычайно интенсивной борьбой за интерпретацию происходившего. Практически одновременно с первыми сообщениями о боевых действиях российская, грузинская и зарубежная аудитория столкнулась с различными версиями причин эскалации, последовательности событий и степени ответственности каждой из сторон.

В этих условиях средства массовой информации перестали ограничиваться передачей оперативных сведений. Телевидение, печатные издания, информационные агентства и быстро развивавшиеся интернет-ресурсы превратились в важную часть политической коммуникации. От выбора терминологии, визуального материала и последовательности подачи событий во многом

зависело то, какую картину войны получала аудитория. В результате борьба велась не только за контроль над территорией, но и за возможность убедить внутреннее и международное общественное мнение в обоснованности собственной позиции [3, с. 6–7].

Особенность войны 2008 г. заключалась также в сочетании традиционных и новых каналов распространения информации. Если телевидение продолжало играть решающую роль для массовой аудитории России и Грузии, то интернет уже позволял государственным структурам, журналистам и обычным пользователям распространять фотографии, видеозаписи и комментарии практически в режиме реального времени. Тем самым информационное пространство становилось менее централизованным, однако одновременно возрастала проблема проверки поступающих сведений [6, с. 328–329].

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении основных особенностей освещения российско-грузинской войны 2008 г. в российских, грузинских и западных средствах массовой информации, а также в определении значения информационного компонента в развитии конфликта.

Информационное противоборство и медиарепрезентация российско-грузинской войны 2008 года. Предпосылки августовского кризиса складывались задолго до начала непосредственных боевых действий. Конфликт вокруг Южной Осетии был связан с распадом Советского Союза, обострением национальных противоречий и вооружённым столкновением начала 1990-х гг. После подписания в 1992 г. соглашения о прекращении огня в регионе сформировалась система поддержания мира, однако она не привела к окончательному политическому урегулированию. Вопросы статуса Южной Осетии, безопасности населения, возвращения перемещённых лиц и распределения полномочий между Тбилиси и Цхинвали оставались нерешёнными.

Особое место в этой системе занимала Российская Федерация, участвовавшая в миротворческом и переговорном процессе. Вместе с тем

на протяжении 2000-х гг. в Тбилиси всё чаще выражались сомнения относительно нейтральности российской политики. Развитие прямых политических и экономических контактов Москвы с властями Южной Осетии и Абхазии, а также распространение российского гражданства среди значительной части местного населения воспринимались грузинским руководством как свидетельство постепенного усиления российского влияния на территориях, которые международно признавались частью Грузии. В результате локальные противоречия всё теснее связывались с общим ухудшением российско-грузинских отношений и стремлением Тбилиси к сближению с евроатлантическими структурами [9].

На протяжении весны и лета 2008 г. обстановка становилась всё более напряжённой. Происходили вооружённые инциденты, взаимные обвинения и передвижения сил в непосредственной близости от зоны конфликта. К началу августа перестрелки между грузинскими и югоосетинскими подразделениями участились. В ночь с 7 на 8 августа грузинские войска начали масштабную операцию в направлении Цхинвали. Российская сторона в ответ ввела дополнительные подразделения через Рокский тоннель, а впоследствии военная операция распространилась далеко за пределы Южной Осетии.

Именно последовательность этих событий стала одним из центральных предметов последующей информационной борьбы. Российская официальная версия концентрировалась на грузинском наступлении на Цхинвали, тогда как Тбилиси подчёркивал предшествующую эскалацию, вооружённые провокации и усиливающееся российское присутствие. Поэтому уже в первые часы войны возникли две принципиально различные причинно-следственные схемы: одна начинала отсчёт конфликта фактически с действий грузинской армии в ночь на 8 августа, другая рассматривала эти действия как кульминацию более продолжительного процесса обострения.

После нескольких дней боевых действий грузинские силы оставили Южную Осетию, тогда как российские подразделения продвинулись на территорию собственно Грузии, включая районы в направлении Гори, Сенаки и Поти. Этот этап имел существенное значение для международного восприятия войны, поскольку масштаб российской операции заметно превысил первоначальную задачу защиты российских миротворцев и населения Южной Осетии. Human Rights

Watch впоследствии отмечала, что российские войска действовали не только на территории Южной Осетии, но и в других районах Грузии и документировала нарушения международного гуманитарного права, совершавшиеся различными сторонами конфликта [8, с. 2–3].

При посредничестве президента Франции Николя Саркози, представлявшего председательствовавший в тот момент в Европейском союзе французский кабинет, 12 августа было достигнуто соглашение о прекращении активных боевых действий. Однако политические последствия войны только начинали проявляться. 26 августа Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. С этого момента конфликт приобрёл новое международно-правовое измерение, а различие между российской и грузинской трактовками событий стало ещё более принципиальным.

Высокая скорость распространения информации стала одной из наиболее характерных черт августовских событий. Война освещалась практически непрерывно: телевизионные репортажи сменялись официальными заявлениями, фотографии и видеозаписи быстро распространялись в интернете, а крупные международные телеканалы организовывали многочисленные прямые включения. При этом значительная часть аудитории объективно не располагала возможностью самостоятельно проверять сведения из зоны боевых действий. В подобных условиях особенно большое значение приобретал механизм отбора информации.

Теоретически этот процесс может быть объяснён через концепцию фрейминга Р. Энтмана. Исследователь обращал внимание на то, что медиа не просто передают факты, а выделяют определённые элементы реальности, задавая тем самым способы их интерпретации. В результате выбор проблемы, причины, ответственного субъекта и возможного морального объяснения способен формировать определённую рамку восприятия событий [7, р. 52–53]. Август 2008 г. наглядно показал действие подобного механизма: одни и те же военные эпизоды включались в существенно отличавшиеся друг от друга повествовательные конструкции.

В российском медиапространстве одной из центральных стала тема гуманитарной катастрофы в Южной Осетии. Федеральные телеканалы характеризовали действия грузинской армии преимущественно через понятия «агрессия», «геноцид», «нападение на миротворцев» и

«уничтожение мирного населения». Российская военная операция, напротив, подавалась как вынужденная реакция, целью которой являлись защита граждан и «принуждение Грузии к миру». Подобная система формулировок создавала чёткую моральную структуру конфликта, в которой одна сторона выступала нападающей, а другая — реагирующей на возникшую угрозу [1, с. 12–16].

Особенно заметную роль сыграли сообщения о количестве погибших в Цхинвали. Уже в первые дни российские официальные лица и телеканалы распространяли сведения примерно о двух тысячах погибших гражданских. В условиях стремительно развивавшегося конфликта эта цифра получила широкое распространение и стала важным аргументом при объяснении необходимости немедленного вмешательства. Позднейшие проверки показали, что первоначальные оценки были значительно завышены. Human Rights Watch, изучавшая события непосредственно на месте, также указывала на неподтверждённую ряд первоначальных утверждений о массовых зверствах и «геноциде» [8, с. 71–72]. Это обстоятельство показывает одну из характерных особенностей информационной войны: первоначальное сообщение способно оказать сильное политическое и эмоциональное воздействие ещё до того, как появляется возможность его полноценной проверки. Даже последующее уточнение цифр уже не всегда меняет сформировавшуюся у аудитории картину событий.

Визуальная составляющая российского телевидения усиливала данный эффект. Разрушенные дома Цхинвали, кадры раненых, интервью с беженцами и эмоциональные рассказы очевидцев показывались многократно. В результате гуманитарное измерение войны занимало центральное место, тогда как вопрос о более широком политическом контексте российско-грузинских отношений и предшествовавшей эскалации освещался значительно менее подробно. Исследователи информационного противоборства 2008 г. отмечали высокую степень эмоционализации российских и зарубежных медиаматериалов и зависимость интерпретации событий от редакционной позиции конкретного издания [2, с. 94–97].

Одновременно российские официальные представители активно критиковали западные СМИ. Зарубежные телеканалы обвинялись в недостаточном освещении страданий жителей Цхинвали и в стремлении представить Москву исключительно в качестве агрессора. Таким об-

разом, информационное противостояние происходило уже не только между Россией и Грузией, но и между различными медийными системами.

При этом российское информационное пространство всё же не было совершенно однородным. Наряду с федеральными телеканалами существовали независимые журналисты и издания, которые ставили под сомнение отдельные официальные заявления, прежде всего сведения о количестве погибших и абсолютной неожиданности российского военного ответа. Их аудитория была значительно меньше аудитории центрального телевидения, однако наличие альтернативных интерпретаций показывает, что информационная ситуация внутри самой России была сложнее, чем может показаться при рассмотрении только государственных каналов.

Иную систему смысловых акцентов выстраивали грузинские власти и средства массовой информации. Центральное место здесь занимали понятия территориальной целостности, государственного суверенитета и внешнего вмешательства. Тбилиси стремился показать, что события августа нельзя сводить исключительно к началу грузинского наступления на Цхинвали, поскольку оно происходило после продолжительного периода эскалации и ухудшения ситуации в зоне конфликта.

Для грузинской стороны особенно важным аргументом стало дальнейшее продвижение российских войск за административные пределы Южной Осетии. Появление российских подразделений в Гори и других населённых пунктах центральной и западной части страны позволяло Тбилиси утверждать, что военная операция приобрела значительно более широкий характер, чем защита Южной Осетии. Именно этот момент способствовал усилению сочувствия грузинской позиции в части западного информационного пространства.

Следует, однако, учитывать, что грузинские средства массовой информации также работали в условиях войны и были заинтересованы в поддержании общественной мобилизации. Поэтому внутреннее освещение событий нередко приобретало эмоциональный характер, а спорные аспекты решений грузинского руководства получали меньше внимания. В данном случае речь шла не столько об объективном преимуществе одной медиасистемы над другой, сколько о различии политических задач, которые решались через информационные каналы [3, с. 6–7].

Одним из наиболее сильных элементов грузинской информационной стратегии стала непосредственная работа с иностранной аудиторией. Михаил Саакашвили свободно выступал на английском языке, регулярно подключался к эфиру CNN, BBC и других международных телеканалов и стремился объяснять войну в понятных западной аудитории категориях. В его выступлениях Грузия представлялась небольшим демократическим государством, столкнувшимся с давлением значительно более сильного соседа.

Эта стратегия была достаточно эффективной именно в первые дни кризиса. Грузинскому руководству удалось быстро получить доступ к крупным международным площадкам и предложить собственную интерпретацию происходящего ещё до того, как многие западные журналисты получили возможность непосредственно работать в зоне конфликта. Панфилов отмечал, что информационная составляющая событий августа развивалась чрезвычайно динамично и во многом определялась способностью сторон оперативно взаимодействовать с иностранными журналистами [5].

Грузинские телеканалы Rustavi 2, Imedi и Общественный вещатель активно демонстрировали разрушения в грузинских населённых пунктах, последствия ударов и передвижение беженцев. Эти кадры формировали иной визуальный образ войны: в центре находилась уже не гуманитарная ситуация в Цхинвали, а положение грузинского населения и продвижение российской армии. Тем самым российская рамка «защиты Южной Осетии» сталкивалась с грузинской рамкой «защиты государства от внешнего вмешательства».

Особенно сильное воздействие на международную аудиторию имели события в Гори. Город находился вне территории Южной Осетии, поэтому появление там российских подразделений и сообщения о нанесённых ударах воспринимались уже не как часть локального столкновения вокруг Цхинвали, а как расширение географии войны. Human Rights Watch документировала последствия действий российских сил как в Южной Осетии, так и на территории собственно Грузии [8, с. 85–90].

Вместе с тем международные правозащитные организации фиксировали нарушения не только со стороны российских и югоосетинских сил. В частности, Human Rights Watch указывала на случаи неизбирательного и чрезмерного применения силы грузинскими подразделениями во

время обстрела Южной Осетии. Одновременно организация установила нарушения со стороны российских сил, а также систематические грабежи, поджоги и нападения на грузинские сёла со стороны югоосетинских формирований после отхода грузинских войск [8, с. 2–4]. Такая картина значительно сложнее однозначных медианарративов обеих сторон.

Особенно существенным с точки зрения гуманитарных последствий стало разрушение грузинских сёл. По данным Human Rights Watch, после 10 августа в ряде населённых пунктов происходили систематические грабежи и поджоги, а часть оставшегося грузинского населения подвергалась насилию и запугиванию. Организация пришла к выводу о наличии действий, направленных на недопущение возвращения грузинских жителей в некоторые населённые пункты [8, с. 125–130]. Эти обстоятельства получили значительное отражение в грузинских и западных СМИ и усилили восприятие Грузии как стороны, понёсшей тяжёлые гуманитарные последствия уже после завершения основной фазы боёв.

Западное медиапространство стало фактически третьей ареной информационного противостояния. В первые часы и дни войны международные журналисты сталкивались с серьёзным дефицитом проверенной информации. Доступ к Цхинвали и другим районам был ограничен, а сообщения российских и грузинских источников нередко прямо противоречили друг другу. Поэтому большое значение имели оперативность государственных информационных служб и способность политических представителей появляться в зарубежном эфире.

На первоначальном этапе многие западные телеканалы и газеты уделяли значительное внимание продвижению российских войск за пределы Южной Осетии. В публикациях всё чаще использовались понятия «вторжение», «нарушение суверенитета», «сферы влияния». Такая трактовка в определённой степени совпадала с грузинской внешнеполитической риторикой. Кадырова отмечала, что на первом этапе российская сторона столкнулась с серьёзными трудностями в конкуренции с грузинской позицией в западном информационном пространстве [2, с. 98–101].

Это, однако, не означало полного принятия западными СМИ грузинской версии. По мере появления новых свидетельств всё чаще обсуждался вопрос о роли грузинского артиллерийского обстрела Цхинвали в начале крупномасштабной

фазы войны. В результате первоначальная достаточно чёткая схема «Россия — агрессор, Грузия — жертва» постепенно стала более сложной.

Важное значение для последующей оценки событий имел опубликованный в 2009 г. доклад Независимой международной комиссии по установлению фактов конфликта в Грузии под руководством Хайди Тальявини. Комиссия пришла к выводу, что открытая крупномасштабная фаза войны началась с грузинского артиллерийского обстрела Цхинвали, однако одновременно подчёркивала, что война не может быть объяснена одним эпизодом ночи с 7 на 8 августа. Ей предшествовали месяцы напряжённости, взаимных провокаций, военной подготовки и последовательного ухудшения обстановки.

Именно это обстоятельство позволяет избежать упрощённой оценки событий. Признание того, что непосредственное крупномасштабное наступление начала грузинская сторона, не исключает анализа более длительного процесса эскалации, характера российского присутствия и последующего расширения российской операции далеко за пределы Цхинвали. В этом смысле грузинская позиция получила дополнительный аргумент именно после того, как российские силы продолжили продвижение по территории страны. Не менее важным направлением информационного противостояния стала цифровая среда. Августовская война считается одним из первых крупных международных конфликтов, в котором кибератаки происходили практически одновременно с военными действиями. Интернет-сайты органов государственной власти и СМИ стали самостоятельными объектами воздействия.

Ещё до и в первые дни боевых действий значительное число грузинских интернет-ресурсов подверглось атакам. Среди них были сайты президента, парламента, Министерства иностранных дел и новостных организаций. На некоторых ресурсах размещались изменённые изображения и политически провокационные материалы. John Markoff в *The New York Times* обращал внимание на то, что цифровые атаки предшествовали или сопровождали развитие вооружённого столкновения, что сделало грузинский конфликт важным примером сочетания конвенциональной и киберсоставляющей войны [11].

Официальный интернет-ресурс президента Грузии в течение нескольких дней оставался недоступным [4]. Для государства, пытавшегося в тот момент обращаться к международной аудито-

рии, это создавало существенную проблему. Грузинские структуры были вынуждены частично переносить информационную активность на зарубежные серверы и использовать иностранные площадки.

Особенно показательно предоставление грузинскому руководству информационных возможностей польской стороной. В условиях ограниченного доступа к национальным сайтам международная цифровая инфраструктура фактически стала дополнительным дипломатическим ресурсом. Подобный случай демонстрировал, что поддержка государства в современной войне может включать не только политические заявления или материальную помощь, но и обеспечение доступа к каналам коммуникации.

«Новые медиа» одновременно расширяли круг участников информационного процесса. Пользовательские видеозаписи, блоги и форумы позволяли распространять материалы быстрее традиционных телевизионных редакций. Однако именно скорость превращалась и в источник риска. Фотография или видеозапись могли распространяться без точного указания места и времени съёмки, а эмоционально воздействующий контент нередко начинал использоваться ещё до проверки его происхождения [6, с. 328–329].

Таким образом, война 2008 г. стала переходным этапом от преимущественно телевизионной модели информационного конфликта к более сложной цифровой системе. Телевидение ещё оставалось главным источником информации для большинства граждан, однако интернет уже позволял обходить национальные информационные границы, создавать альтернативные каналы коммуникации и одновременно проводить атаки на цифровую инфраструктуру противника.

После прекращения огня информационное противостояние продолжилось, закрепляя разные версии войны в политическом и общественном дискурсе России и Грузии. В российской интерпретации основным оставался тезис о вынужденном вмешательстве после действий грузинской стороны в Южной Осетии. В Грузии события августа, напротив, преимущественно рассматривались как российская агрессия и нарушение территориальной целостности страны. Последующее признание Россией Абхазии и Южной Осетии ещё больше усилило расхождение этих подходов.

Военно-политические и информационные итоги конфликта оказались неодинаковыми. Рос-

сия сохранила военное преимущество и фактическое присутствие в Абхазии и Южной Осетии, тогда как Грузия не восстановила контроль над этими территориями. Вместе с тем Тбилиси сумел сохранить заметную международную поддержку и удерживать вопрос территориальной целостности в отношениях с Европейским союзом и НАТО. Поэтому говорить о безусловной победе Грузии в информационной войне было бы упрощением, хотя её активная работа с зарубежной аудиторией позволила грузинской позиции сохранить значительное влияние в западном публичном пространстве.

Для исторического исследования материалы СМИ требуют особенно критического подхода. Они отражают не только сами события, но и особенности их интерпретации, редакционную политику, доступность информации и политический контекст. Показательным примером стали первоначальные сообщения о числе погибших в Цхинвали, которые получили широкое распространение значительно раньше, чем появились уточнённые данные. Это подтверждает, что медиаматериалы фиксируют не только факт, но и характер его восприятия в конкретный момент времени.

Заключение. Российско-грузинская война августа 2008 г. показала, что средства массовой информации стали важной частью современных вооружённых конфликтов. Наряду с боевыми действиями разворачивалось информационное противостояние, в рамках которого каждая сторона стремилась закрепить собственную интерпретацию причин, хода и последствий войны.

Российская медиастратегия была сосредоточена на гуманитарной ситуации в Южной Осетии, защите российских граждан и обосновании необходимости военного ответа. Вместе с тем часть первоначальных сообщений, прежде всего о масштабах потерь, позднее была существенно уточнена [8, с. 71–72]. Грузинская сторона, в свою очередь, акцентировала внимание на территориальной целостности, государственном суверенитете и расширении российской военной операции за пределы Южной Осетии. Важным преимуществом Тбилиси стала активная работа с западной аудиторией и регулярное присутствие грузинских представителей в международном медиапространстве.

Существенное значение имело и цифровое измерение конфликта. Кибератаки, использование зарубежных серверов и распространение пользо-

вательского контента показали, что информационная инфраструктура уже в 2008 г. становилась самостоятельным пространством противостояния [11].

Таким образом, СМИ не только освещали события, но и влияли на общественное мнение, международное восприятие сторон и закрепление различных версий войны в исторической памяти. При этом информационное преимущество не означало автоматической политической или военной победы. Для объективного изучения конфликта необходимо сопоставлять медиаматериалы с документами, международными расследованиями и свидетельствами различных сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

На русском языке

1. Григорьева Ю. Г., Киселёв А. А. Информационно-пропагандистские аспекты конфликта вокруг Южной Осетии // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. 2008. Вып. 10 (39). М.: МГИМО, 2008. С. 1–48.

2. Кадырова Ш. Н. Информационная война в период Южноосетинского конфликта: противостояние СМИ России и Запада // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2010. № 4. С. 93–102. URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/6212>

3. Михайленко Т. А. Особенности информационной войны в современном мире (на примере грузино-южноосетинского конфликта в августе 2008 года) // Государственное управление. Электронный вестник. 2009. № 19. С. 6–7.

4. Официальный сайт Михаила Саакашвили не работает уже несколько дней // Российская газета. 13 августа 2008 г. URL: <http://www.rg.ru/2008/08/13/saakashvili-sait.html> (дата обращения: 13.04.2025).

5. Панфилов О. Россия — Грузия. Информационная война. Август 2008. Тбилиси: Государственный университет Илии, 2011. 248 с.

6. Припоров Е. С. Роль традиционных и «новых СМИ» в освещении грузино-южноосетинского конфликта в августе 2008 года // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2013. № 5 (1). С. 328–329.

На английском языке

1. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of

a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43, No. 4. P. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>

2. Human Rights Watch. *Up in Flames: Humanitarian Law Violations and Civilian Victims in the Conflict over South Ossetia*. 2009. URL: <https://www.hrw.org/report/2009/01/23/flames/humanitarian-law-violations-and-civilian-victims-conflict-over-south-ossetia>

3. International Crisis Group. *Russia vs Georgia: The Fallout*. Europe Report No. 195. 2008. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/caucasus/georgia/russia-vs-georgia-fallout>

4. Kapanadze S. *Russian Propaganda Narratives in Georgia*. 2023. URL: <https://politicsgeo.com/public/storage/articles/April2024/Russian%20Propaganda%20Narratives%20in%20Georgia%20-%20Sergi%20Kapanadze.pdf> (dəmənə övəçənə: 31.03.2025).

5. Markoff J. *Before the Gunfire, Cyberattacks // The New York Times*. 12 August 2008. URL: <https://www.nytimes.com/2008/08/13/technology/13cyber.html>

2008-ci il Rusiya-Gürcüstan müharibəsinin mediada işıqlandırılmasında kütləvi informasiya vasitələrinin rolu

Ülviyyə İbrahim qızı Bağirova
Bakı Dövlət Universitetinin

“Slavyan xalqları tarixi” kafedrasının doktorantı

XÜLASƏ

Məqalədə 2008-ci ilin avqustunda baş vermiş Rusiya-Gürcüstan müharibəsinin kütləvi informasiya vasitələrində işıqlandırılması və informasiya qarşılıqlı əlaqəsinin əsas xüsusiyyətləri araşdırılır. Rusiya, Gürcüstan və Qərbi Avropa mediasında formalaşmış fərqli informasiya narrativlərinə, hadisələrin səbəblərinə, gedişinin və nəticələrinin təqdim olunma xüsusiyyətlərinə xüsusi diqqət yetirilir. Məqalədə ənənəvi kütləvi informasiya vasitələri ilə yanaşı, yeni media-nın və kiberməkənin informasiya mübarizəsində rolu da təhlil olunur. Göstərilir ki, informasiya amili münaqişə tərəflərinin siyasi strategiyasının mühüm tərkib hissəsinə çevrilmiş və müharibənin beynəlxalq

ictimaiyyət tərəfindən qavranılmasına əhəmiyyətli təsir göstərmişdir.

Açar sözlər: 2008-ci il Rusiya-Gürcüstan müharibəsi, kütləvi informasiya vasitələri, informasiya müharibəsi, media narrativi, Cənubi Osetiya, kiber müharibə, beynəlxalq ictimai rəy.

The Role of Mass Media in the Coverage of the 2008 Russo-Georgian War

Ulviyya Ibrahim Baghirova
PhD Candidate, Department of
History of Slavic Peoples,
Baku State University

SUMMARY

This article examines the role of mass media in covering the Russo-Georgian War of August 2008 and analyzes the main features of the accompanying information confrontation. Particular attention is paid to the different media narratives formed in Russian, Georgian, and Western information spaces, as well as to the ways in which the causes, course, and consequences of the conflict were presented. The study also considers the role of traditional media, new media, and cyberspace in the information struggle. It is demonstrated that the information dimension became an important component of the political strategies of the parties to the conflict and significantly influenced the international perception of the war.

Keywords: 2008 Russo-Georgian War, mass media, information war, media narrative, South Ossetia, cyber warfare, international public opinion.

Rəyçi: Cəlilov Abutalıb Hümbət oğlu,
tarix üzrə fəlsəfə doktoru

Məqalə redaksiyaya daxil olub: 09.05.2026

Çapa qəbul olunub: 14.06.2026

The date of the admission of the article
to the editorial office: 09.05.2026

Accepted for publication: 14.06.2026